

РУССКАЯ КЛАССИКА

Николай
ГОГОЛЬ

*Вечера на хуторе
близ Диканьки*

Москва

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Г58

Серия «Русская классика»

Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работы
художника *Николая Пимоненко*

Серия «Всемирная литература»

Оформление *Н. Ярусовой*

Гоголь, Николай Васильевич.

Г58 Вечера на хуторе близ Диканьки : [повести] / Николай Гоголь. — Москва : Издательство «Э». 2018 — 544 с.

ISBN 978-5-699-46611-5 (Русская классика)

ISBN 978-5-04-091007-6 (Всемирная литература)

Колоритные, пронизанные то симпатией автора ко многим своим героям, их традициям, то мистикой, то юмором, — таковы гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки», истории о Малороссии, которой, увы, уже нет. Многие из повестей и рассказов, составляющих эту книгу, входят в обязательную школьную программу.

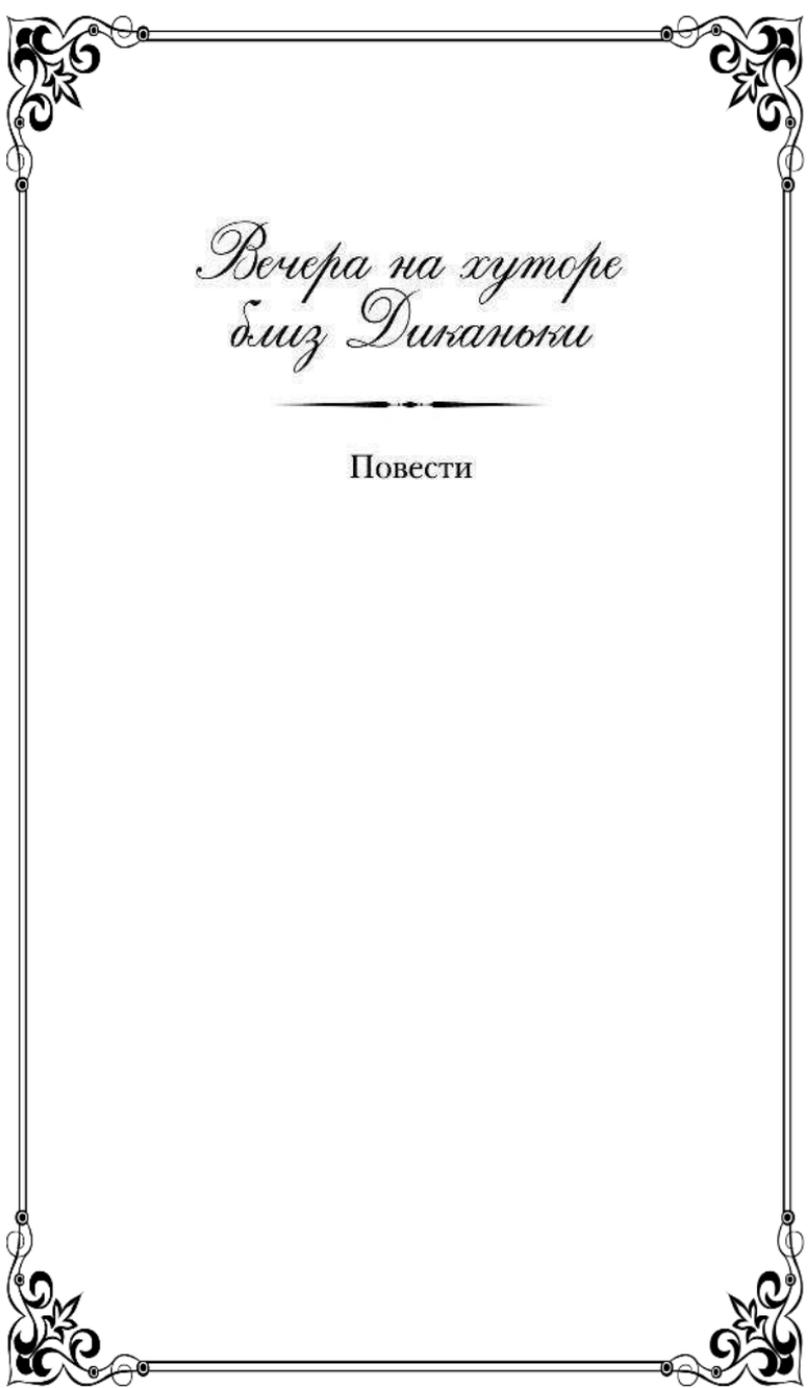
УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-699-46611-5

ISBN 978-5-04-091007-6

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

*Вечера на хуторе
близ Диканьки*

ПОВЕСТИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Это что за невидаль: «Вечера на хуторе близ Диканьки»? Что это за «Вечера»? И швырнул в свет какой-то пасичник! Слава Богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу, всякого звания и сброду, вымарало пальцы в чернилах! Дернула же охота и пасичника потащиться вслед за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое за-вернуть в нее».

Слышало, слышало вешее мое все эти речи еще за месяц! То есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть нос из своего захолустья в большой свет — батюшки мои! Это всё равно, как, случается, иногда зайдешь в покои великого пана: все обступят тебя и пойдут дурачить. Еще бы ничего, пусть уже высшее лакейство, нет, какой-нибудь оборванный мальчишка, посмотреть — дрянь, который копается на заднем дворе, и тот пристанет; и начнут со всех сторон притопывать ногами. «Куда, куда, зачем? пошел, мужик, пошел!..» Я вам скажу... Да что говорить! Мне легче два раза в год съездить в Миргород, в котором вот уже пять лет как не видал меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей, чем показаться в этот великий свет. А показался — плачь не плачь, давай ответ.

У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасичник говорит вам запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму), — у нас, на хуторах, водится издавна: как только окончатся работы в поле, мужик залезет отдыхать на всю зиму на печь и наш брат припрячет своих пчел в темный погреб, когда ни журавлей на небе, ни груш на дереве не увидите более, — тогда, только вечер, уже наверно где-нибудь в конце улицы брезжит огонек, смех и песни слышатся издалеца, бренчит балалайка, а подчас и скрипка, говор, шум... Это у нас *вечерницы!* Они, извольте видеть, они похожи на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсем. На балы если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку; а у нас соберется в одну хату толпа девушек совсем не для бала, с веретеном, с гребнями; и сначала будто и делом займутся: веретена шумят, льются песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрянут в хату парубки с скрипачом — подымеется крик, затеется шаль, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются все в тесную кучку и пустятся загадывать загадки или просто нести болтовню. Боже ты мой! Чего только не расскажут! Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут! Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька. За что меня миряне прозвали Рудым Паньком — ей-богу, не умею сказать. И волосы, кажется, у меня теперь более седые, чем рыжие. Но у нас, не извольте гневаться, такой обычай: как дадут кому люди какое прозвище, то и во веки веков останется оно. Бывало, соберутся накануне праздничного дня добрые люди в гости, в пасичникову лачужку, усядутся за стол, — и тогда прошу только слушать.

И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какие-нибудь мужики хуторянские. Да, может, иному, и повыше пасичника, сделали бы честь посещением. Вот, например, знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, голова! Что за истории умел он отпускать! Две из них найдете в этой книжке. Он никогда не носил пестрядевого халата, какой встретите вы на многих деревенских дьячках; но заходите к нему и в будни, он вас всегда примет в балахоне из тонкого сукна, цвета застуженного картофельного киселя, за которое платил он в Полтаве чуть не по шести рублей за аршин. От сапог его, у нас никто не скажет на целом хуторе, чтобы слышен был запах дегтя; но всякому известно, что он чистил их самым лучшим смальцем, какого, думаю, с радостью иной мужик положил бы себе в кашу. Никто не скажет также, чтобы он когда-либо утирал нос полою своего балахона, как то делают иные люди его звания; но вынимал из пазухи опрятно сложенный белый платок, вышитый по всем краям красными нитками, и, исправивши что следует, складывал его снова, по обыкновению, в двенадцатую долю и прятал в пазуху. А один из гостей... Ну, тот уже был такой панич, что хоть сейчас нарядить в заседатели или подкомории. Бывало, поставит перед собою палец и, глядя на конец его, пойдет рассказывать — вычурно да хитро, как в печатных книжках! Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападет. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов понабрался таких! Фома Григорьевич раз ему насчет этого славную сплел присказку: он рассказал ему, как один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на ус. Лопата у него — лопатус, баба — бабус. Вот, случилось раз, пошли они

вместе с отцом в поле. Латыньщик увидел грабли и спрашивает отца: «Как это, батьку, по-вашему называется?» Да и наступил, разинувши рот, ногою на зубцы. Тот не успел собраться с ответом, как ручка, размахнувшись, поднялась и — хватить его по лбу. «Проклятые грабли! — закричал школьник, ухватясь рукою за лоб и подскочивши на аршин. — Как же они, черт бы спихнул с мосту отца их, больно бьются!» Так вот как! Припомнил и имя, голубчик! Такая присказка не по душе пришлась затейливому рассказчику. Не говоря ни слова, встал он с места, расставил ноги свои посередине комнаты, нагнул голову немного вперед, засунул руку в задний карман горохового кафтана своего, вытащил круглую под лаком табакерку, щелкнул пальцем по намалеванной роже какого-то бусурманского генерала и, захвативши небольшую порцию табаку, растертого с золою и листьями любистка, поднес ее коромыслом к носу и вытянул носом на лету всю кучку, не дотронувшись даже до большого пальца, — и всё ни слова; да как полез в другой карман и вынул синий в клетках бумажный платок, тогда только проворчал про себя чуть ли еще не поговорку: «Не мечите бисер перед свиньями»... «Быть же теперь ссоре», — подумал я, заметив, что пальцы у Фомы Григорьевича так и складывались дать дулю. К счастью, старуха моя догадалась поставить на стол горячий кныш с маслом. Все принялись за дело. Рука Фомы Григорьевича, вместо того чтоб показать шиш, протянулась к кнышу, и, как всегда водится, начали прихваливать мастерицу хозяйку. Еще был у нас один рассказчик; но тот (нечего бы к ночи и вспоминать о нем) такие выкапывал страшные истории, что волосы ходили по голове. Я нарочно и не помещал их сюда. Еще напугаешь добрых людей так, что пасичника, прости Господи, как черта все станут бояться. Пусть лучше, как доживу,

если даст Бог, до нового года и выпущу другую книжку, тогда можно будет постращать выходцами с того света и дивами, какие творились в старину в православной стороне нашей. Меж ними, статья может, найдете побасенки самого пасичника, какие рассказывал он своим внукам. Лишь бы слушали да читали, а у меня, пожалуй, — лень только проклятая рыться, — наберется и на десять таких книжек.

Да, вот было и позабыл самое главное: как будете, господа, ехать ко мне, то прямехонько берите путь по столбовой дороге на Диканьку. Я нарочно и выставил ее на первом листке, чтобы скорее добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы слышались вдоволь. И то сказать, что там дом почище какого-нибудь пасичникова куреня. А про сад и говорить нечего: в Петербурге вашем, верно, не сыщете такого. Приехавши же в Диканьку, спросите только первого попавшегося навстречу мальчишку, пасущего в запачканной рубашке гусей: «А где живет пасичник Рудый Панько?» — «А вот там!» — скажет он, указавши пальцем, и, если хотите, доведет вас до самого хутора. Прошу, однако ж, не слишком закладывать назад руки и, как говорится, финтить, потому что дороги по хуторам нашим не так гладки, как перед вашими хоромами. Фома Григорьевич третьего году, приезжая из Диканьки, понаведался-таки в провал с новою таратайкою своею и гнедою кобылою, несмотря на то, что сам правил и что сверх своих глаз надевал по временам еще покупные.

Зато уже как пожалуете в гости, то дынь подадим таких, каких вы отроду, может быть, не ели; а меду, и забожусь, лучшего не сыщете на хуторах. Представьте себе, что как внесешь сот — дух пойдет по всей комнате, вообразить нельзя какой: чист, как слеза или хрусталь дорогой, что бывает в серьгах. А какими пирогами накормит моя старуха! Что за пироги,

если б вы только знали: сахар, совершенный сахар! А масло, так вот и течет по губам, когда начнешь есть. Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами? Или не случилось ли вам подчас есть путрю с молоком? Боже ты мой, каких на свете нет кушаньев! Станешь есть — объяденье, да и полно. Сладость неописанная! Прошлого года... Однако ж что я в самом деле разболтался?.. Приезжайте только, приезжайте поскорей; а накормим так, что будете рассказывать и встречному и поперечному.

Пасичник Рудый Панько.

На всякий случай, чтобы не помянули меня недобрим словом, выписываю сюда, по азбучному порядку, те слова, которые в книжке этой не всякому понятны.

Банду́ра — инструмент, род гитары.

Бато́г — кнут.

Боля́чка — золотуха.

Бо́ндарь — бочарь.

Бу́блик — круглый крендель, баранчик.

Буря́к — свекла.

Буха́нец — небольшой хлеб.

Ви́нница — винокурня.

Галу́шки — клецки.

Голодра́бец — бедняк, бобыль.

Гопа́к, } малороссийские танцы.
Го́рлица, }

Ди́вчина — девушка.

Дивча́та — девушки.

Дижá — кадка.

Дрибу́шка — мелкие косы.

Домовіна — гроб.
Дуля — шиш.
Дукат — род медали, носится на шее.
Зна́хор — многознающий, ворожей.
Жінка — жена.
Жупа́н — род кафтана.
Кага́нец — род светильни.
Кле́пки — выпуклые дощечки, из коих составлена бочка.
Кныш — род печеного хлеба.
Кобза — музыкальный инструмент.
Комо́ра — амбар.
Кора́блик — головной убор.
Кунту́ш — верхнее старинное платье.
Корова́й — свадебный хлеб.
Ку́холь — глиняная кружка.
Лысы́й дидько — домовый, демон.
Лю́лька — трубка.
Маки́тра — горшок, в котором трут мак.
Мако́гон — пест для растирания маку.
Малаха́й — плеть.
Ми́ска — деревянная тарелка.
Молоди́ца — замужняя женщина.
На́ймыт — нанятой работник.
На́ймычка — нанятая работница.
Оселёдец — длинный клок волос на голове, заматывающийся на ухо.
Очи́пок — род чепца.
Пампу́шки — кушанье из теста.
Па́сичник — пчеловод.
Па́рубок — парень.
Пла́хта — нижняя одежда женщин.
Пе́кло — ад.
Пере́купка — торговка.
Пере́полóх — испуг.
Пе́йсики — жидовские локоны.

Пове́тка — сарай.
Полутабе́нок — шелковая материя.
Пу́тря — кушанье, род каши.
Рушник — утиральник.
Сви́тка — род полукафтаныя.
Синдя́чки — узкие ленты.
Сласте́ны — пышки.
Сво́лок — перекладина под потолком.
Сливя́нка — наливка из слив.
Смушки — бараний мех.
Со́няшница — боль в животе.
Сопи́лка — род флейты.
Стуса́н — кулак.
Стри́чки — ленты.
Тройча́тка — тройная плеть.
Хло́пец — парень.
Ху́тор — небольшая деревушка.
Ху́стка — платок носовой.
Цыбу́ля — лук.
Чумаки́ — обозники, едущие в Крым за солью и ры-
бою.
Чупри́на, чуб — длинный клочок волос на голове.
Ши́шка — небольшой хлеб, делаемый на свадьбах.
Юшка — соус, жижа.
Ятка — род палатки или шатра.

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

I

Мені нудно в хаті жить.
Ой, вези ж мене із дому,
Де багацько грому, грому,
До гопцюють все дівки,
Де гуляють парубки!

Из старинной легенды

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землю, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нем ни облака. В поле ни речи. Всё как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдается в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие темную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщет золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зеленых, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!